

...Солнце спешило вслед за нами, пытаясь примоститься на хвостовом оперении самолета, и все же оставалось позади — лайнер прибывал в Москву на час раньше времени отправления из Хабаровска...

...Мы крадем время у вечности, расплачиваясь за войну с пространством жизнями...

Мы — похитители времени.

Автор

Тем, кто не вернулся

Отсюда, с восьми тысяч метров, земля кажется особенно притягательной. Окутанная неким ореолом тайны, в дымке-вуали она необыкновенно хороша, словно желанная невеста в белом источает волнующий свет.

Многотонная машина начинает снижение, проходят минуты, и земля под нами приближается: на глазах падает вуаль, скомканное белое полотно расплзается, превращаясь в рваные куски, и вот уже на обнаженном теле земли проступают уродливые серые шишки... Изломы гор напоминают затвердевший панцирь динозавра.

Мы лежим на парашютных сумках с нашими вещами, поглядывая в иллюминаторы. В грузовом отсеке самолета негде ступить ногой. Среди ящиков с продовольствием, бочек, мешков с цементом рас-

кинулся разномастный военный и гражданский люд. «Афгана-маму, посадку проспишь!» — толкает в плечо молодого лейтенанта майор танкист.

Входные сопла двигателей «Ил-76» заглатывают воздух, и он клокочет, смешавшись с керосином, словно в шумливом примусе, гудит пламенем на лопатках турбин и вылетает черной копотью, которая с земли видна как белый след...

Горы надвигаются на нас, превращаясь из бугристых шишек в огромную скалистую чашу, безбожно искромсанную по краям; горы встают перед нами неотвратимые, равнодушные, холодные ко всему на свете...

Колеса лайнера мягко толкают кабульскую бетонку, и мы еще долго преодолеваем трехкилометровый аэродромный участок по узким рулежным дорожкам. Но вот, наконец, грузовые люки открываются, и горячее дыхание засасывает нас в жерло афганской духовки.

Борзенков кисло улыбается, оглядев пространство вокруг:

— Командир, что-то оркестра не вижу...

Шесть человек нашей команды собираются со своими сумками под крылом. Обвешиваемся поклажей и трогаемся в обход взлетной полосы к далеким постройкам «полтинника» — пятидесятого отдельного смешанного полка.

— Пропади ты пропадом... — деликатно ругается мой радист, оглядываясь на светило, растворенное в мареве плывущего воздуха.

В чашу горного лотоса, поднимая пыль, падают тяжелые самолеты, бреют воздух над бетонкой ис-

требители, вертолеты, вывесив над собой синие блюдца вращающихся лопастей, звеньями висят над грунтом, сдувая желтые клубы пыли на стоянку.

Международный аэропорт гудит, словно встревоженный улей. Вытягиваемся цепочкой, наклонив головы, гребем ногами теплую, похожую на серую пудру, афганскую пыль. Две сотни метров — и мы пересекаем посадочный курс у торца бетонки. Еще полсотни метров... Юра Хадыко, долговязый, изнеженный, покрывается пунцовыми пятнами. Пот крупными каплями стекает с его лица, он бросает обе свои сумки, падает на них, жадно глотая ртом горячий воздух. Чуть отдышавшись говорит:

— Теперь я знаю: самое гордое животное — верблюд. Сколько не нагружай — голову держит высоко.

Откуда-то сбоку врываются звуки приближающейся вертушки: слышны характерные для нее прерывистые шлепки лопастей по воздуху. В это время на бетонку мостится «Ан-12»; как по команде, поворачиваем головы: вертолет тащит за собой густой, черный шлейф дыма, он стремительно проваливается в сторону полосы, словно слепой, не видя под собой транспортника...

— О, черт! — невольно вскрикивает кто-то, и мы подхватываемся, похолодев от предчувствия беды. Опустив хвостовую балку и задрав нос, вертолет, окутанный дымом, проносится мимо нас в пятистах метрах и плюхается на грунт, колеса «Ан-12» уже на бетонке, и теперь нам ясно, что между ними приличное расстояние. Иллюзия их неминуемого столкновения — всего лишь обман зрения...

Там, где упал вертолет, из-за клубов дыма выскакивают фигурки людей: одна, две, три, четыре... Они бегут от горящей машины.

— Сейчас рванет... — тихонько шепчет Борзенков, и мы зачем-то присаживаемся, словно обломки могут долететь сюда. Взрыв звучит мощный; в том месте, где был вертолет, взлетает черный гриб и медленно оседает, растворяясь в пыли.

— Вот тебе и оркестр! — говорит Юра Борзенкову, не отрывая взгляда от пламени среди груды обломков.

К месту аварии съезжаются машины, вокруг уже суется люди. Надо ползти дальше...

Возле модуля¹ первой эскадрильи нас окружают загорелые летчики в светлых комбинезонах. Весть о прибытии нового экипажа распространяется мгновенно, перед нами вырастают минчане: они тискают нас в объятиях, шумят, перебивая друг друга...

В душной комнате, оклеенной обоями серого цвета, я падаю на металлическую койку, проваливаюсь в сон, словно в обморок. Будь ты неладна, эта неделя в Ташкенте: немислимое количество выпитого впрок вина и пива выдавливается через все поры.

Тридцать минут забытья, и я вскакиваю, пытаюсь отодрать от тела прилипший комбинезон. В пустой комнате кроме двухъярусных коек — единственный табурет.

Входит Маскевич, командир корабля, легендар-

---

¹ Модуль — жилая одноэтажная постройка из щитовых модулей.

ный Чкалов, земляк, которого я должен заменить. С ленивой небрежностью он опускается на табурет, «калашников» с ободранным ложем пристраивает у колен. На потемневшем от солнца лице Валеры — рыжие усы щеточкой, благодушная улыбка, в уголке рта прилипшая сигарета. Я знаю его не один год, и весь он, от волос до последней косточки, мне привычен. Язык жестов Маскевича особый. Взять хотя бы эту манеру сплевывать через уголок рта невидимую крошку табака — это делается в промежутках между уверенно произнесенными фразами. Он всегда напоминал мне шкатулку с секретом, которая откроется не всякому: «Я дока, но поделиться могу только по личному расположению». Сейчас Чкалов был расположен:

— Видок у тебя неважнецкий. Сто капель во внутрь — как рукой снимет, — неторопливо цедит он, словно уже считает эти капли.

— Пошел ты! — отмахиваюсь я дружелюбно. Но тут его, кажется, прорывает. Начинает рассказывать, как взлетают в Кабуле, Кундузе, Кандагаре, Шиндагаре¹...

Летчик — это не профессия, это болезнь, и каждый переносит ее по-своему. Вторая фамилия Валеры — Чкалов — говорит сама за себя. Его чудачества, как и летные способности, всем известны. Сегодня он, тренируясь в меткости, расстреливает туфельку официантки в жилой комнате, завтра са-

---

¹ Шиндагар (видоизмененное) — шинданти.

жает свой «Антон» в Файзабаде, среди отвесных скал, на короткую гравийную полосу, где до него никто не садился. Однажды Валера влез в грозовую облачность, когда попросту нужно было вернуться; самолет выплонуло словно щепку, ребята чудом остались живы. Уже на земле механик набросился на него со щеткой на длинной палке, которой моют самолет. Последнее его мальчишество — случай с «бриллиантовой ногой». Маскевич неудачно прыгнул со второго яруса койки. Нога распухла, и он, хромая, ходил на стоянку с палочкой; его на руках заносили в самолет, поскольку самостоятельно подняться по лестнице не мог. Так летал с переломом, пока не попался на глаза врачу части. После этого случая Валера приобрел третью фамилию: Маресьев...

Я смотрю на него краем глаза: может, все-таки замолчит? Шкатулка с секретом открылась, готова делиться сокровенным — бери не жалко! Лицо заматеревшего волка, утомленного своим опытом...

Валеркин голос где-то далеко, а здесь, совсем рядом, под моими ребрами, идет война: холодная скользкая тошнота стучит под дыхало, скребет под сердцем, выбивая из пор липкую влагу. Удар... еще удар... Глотнув воздух, я вскакиваю — будет лучше, если успею выйти...

Мы выходим, словно из предбанника в парную, на затвердевшую, пепельного цвета глину. Аэродромные постройки, зыбко дрожа в горячем воздухе искривленными очертаниями, плывут во все сто-

роны... Я бегу за угол: с судорожной болью содержимое желудка выплескивается наружу.

— Где мои? — спрашиваю я, вытирая мокрое от слез лицо.

— По складам бегают. Смотри, Дрозд...

Валера снимает «АКМ» с плеча и на ходу прижимается щекой к ободранному ложу:

— Машинка отменная. Берешь под яблочко, а мушку чуть приподнимаешь — будет как раз в тюгельку. Понял?

— Понял, чем дед бабку донял, — закипаю я. И дел-то! Переписать автомат и два магазина, связанных изоляционной лентой, на меня. Все. На фига мне его лекции по стрелковому искусству?

— Валера, сколько духов снял? Поди, целый год в засаде, вон как приклад ободрал...

Маскевич настроен миролюбиво.

— Духи, не духи... Ну а если, Леня? Ведь они не только уши отрезают... Разве тебе, холостяку, это не нужно? — говорит он снисходительным тоном, хлопывая себя пониже живота.

Переписать автомат из карточки в карточку труда не составляло, но вот «макаровых» на складе почему-то не оказалось, мне вручают старенький «ТТ».

— Маша, обижаешь! — говорит Валера кладовщице, и она радушно улыбается:

— Пусть вечером заходит с шоколадкой. Может, чего и найдем. Осталось только для командного состава.

Мы тащимся обратно. Маскевич, ухватившись

за ремень автомата, тянет его к себе: «Дай, донесу до модуля». Нет, это не великодушие, в связи со свалившейся на меня напастью, такие нежности здесь не в ходу. За год Валеркино тело привыкло к этому ободранному ложу. Кусок металла в деревяшке становится другом, добавляет железа в мышцах, делает человека увереннее, сильнее... В восьмидесятом году, в Джелалабаде, оружие снимали с убитых и складывали в подвале, на КДП. Никто его не считал, выбирай себе любое. Теперь навели порядок. За утерю оружия надо отвечать.

— Можешь забрать его совсем. Мне хватит этого пугача, чтоб стрельнуться.

Чкалов пропускает мою едкость мимо ушей: что ему? Завтра он покидает этот курорт, этот пляж без конца и края, этот круг, кем-то очерченный...

* * *

Вечером мы собираемся за столом, оба экипажа. Комната с одним окном, «двухэтажными» кроватями вдоль стен на восемь человек ничем не отличается от других. В наследство нам достаются две керосинки, ящик с картошкой, консервы, старенький телевизор и... клопы. На столе жареная картошка с тушенкой, зеленый лук, спирт. Из фляги булькает голубоватый ректификат... Валера первым поднимает стакан, за ним и я залпом опрокидываю теплую обжигающую жидкость. Несколько минут — и мне становится лучше.

* * *

Командир первой эскадрильи Букалов, среднего роста крепыш с моложавым лицом, принял меня в своей комнате. Пожал руку, мельком глянул на меня и снова уселся за стол, к раскрытой летной книжке.

— Ты, кажется, уже бывал в этих краях?

— Да, в восьмидесятом...

За десяток лет до капитанских погон я усвоил: «Вы» — всегда с большой буквы, «ты» — с маленькой. Заповедь алфавита: «Буковка, знай свое место».

Командир выронил паркеровскую ручку китайского производства, какую можно увидеть здесь в любом дукане, досадливо ругнулся. Разгибаясь с перышком в руке, он посмотрел на меня:

— Чему улыбаешься?

— Один старый штурман в таких случаях говорит: «Товарищ командир, у Вас ручка УПАЛИ».

— А ты, я гляжу, юморист...

Нет, я не юморист, просто не нравится, когда «тыкают». Почему бы начальнику, равному по возрасту, не намекнуть: «Я не какая-нибудь «тыкалка»? Конечно, какой ты летчик и командир — покажет время, но как поставишь себя — тоже не последнее дело.

Букалов продолжал задавать вопросы, и я отметил, что он перешел на «Вы»:

— Чем ВАМ запомнился восьмидесятый?

Появился щупленький хлопец в комбинезоне, в панаме, прошел к командиру, не спрашивая разре-

шения, наклонился над ним, стал что-то шептать. Комэска нахмурился, зашпешил к выходу, коротко бросив: «Подождите». Я сел за его стол и уставился в летную книжку: «Боевой вылет на О.Б.Д.В. (Обеспечение боевых действий войск) Кабул — Кундуз — Шиндант — Кандагар — Кабул». Этот маршрут назывался «Вдоль забора»... Что он хотел услышать от меня о восьмидесятом?

...В том году, перевернувшем с ног на голову устоявшуюся жизнь, мы на эртэшке¹ оказались в Джелалабаде, где до нас работал Паненко из Риги. Весь день предстояло висеть на восьми тысячах метров рядом с территорией Пакистана, обеспечивать войска связью.

Радиолокационный контроль за самолетами в этих местах отсутствовал, поэтому неудивительно, что Паненко зацепил границу. Понял он это, когда увидел у себя на крыле пару перехватчиков «МиГ-19», истребителей, поставленных нами в Китай и оттуда перепроданных в Пакистан. Летчики в кабине улыбались и показывали знаками: «Следуй за нами». Паненко и его ребята растерялись. (Это вам не в Риге, в кафе при свечах с уютными столиками, под мирным небом!) Очередь перед носом из пушки тридцать седьмого калибра отечественного производства показала ребятам достаточным аргументом, чтобы взять курс на Пакистан...

Неизвестно, чем бы дело кончилось, не подвер-

---

¹ Эртэшка — самолет, ретранслятор, предназначенный для управления боем, а также бомбометания осветительными и иными бомбами.

нись спасительная облачность. Рижане провалились в нее и, по их рассказам, не помнят, как оказались на своем аэродроме¹. Примерно в это же время вертолетчики в районе Файзабада «отработали» «эрэсами», начиненными иголками, напоминающими патефонные. Трупы были похожи на решето, и Запад сразу поднял шум о варварском оружии русских. Из Москвы срочно прибыл Силантьев. Он курировал Афганистан и отвечал за все операции.

Слава Гайнутдинов повез на своей боевой машине высокого гостя. Уже на снижении, перед аэродромом, Слава заметил вооруженных всадников и... не выдержал. Атака была проведена мгновенно, из всех видов бортового оружия. Кто видел залп «нурсов» из вертолета, может представить, что испытал военачальник в кабине «Ми-8».

— Ты знаешь, сукин ты сын, кого везешь? — выговаривал он Гайнутдинову на земле. — Двое суток ареста за геройство. Еще трое — за точный залп. Ну а благодарность твоему командиру за высокую выучку летчиков передам лично.

Генерал, конечно, остыл через часок, но все же командира полка спросил: «Что за головореза ты мне подсунул?» И уже через месяц, в Москве, сам Силантьев с удовольствием рассказывал о своем приключении. Болтали, что Брежневу поставляли не только сведения общего характера, но и жареные

---

¹ По второй версии — правый летчик неожиданно двинул педаль руля направления: истребитель успел подхватиться вверх, чтобы уйти от неминуемого столкновения.

факты, и генсек любил демонстрировать окружающим свою осведомленность.

Этот случай (Гайнутдинов еще не был Героем Союза) обвенчал Славу со славой: молва о нем ходила повсюду. И уже, конечно, он был летчиком, как говорят, «от бога». Мог прилепиться к отвесной скале одним колесом, сесть на крохотную площадку на большой высоте, умел выжать из машины все, на что она способна: война снимала всякие ограничения. Погиб нелепо: буквально на следующий день он должен был убывать в Москву, на учебу в академию. «Крайний раз» оказался для него роковым. На «Ми-24» он создал слишком большую перегрузку в момент вывода из пикирования — несущий винт при этом перерубил собственную хвостовую балку. Вячеслав успел выругаться, и сказал в эфир: «Прощайте!»

Эскадрилья Гайнутдинова первой начала боевые действия в Афганистане. Здесь, среди запыленных, отвердевших от зноя дорог и троп, столкнулись два *разных времени*: индустриальная держава против конников с карабинами и саблями бросила крылатые силы, увешанные новейшим вооружением. В горных долинах запылал огонь, потянуло запахом жженого человеческого мяса — на пиршество, поближе к жилью, стали слетаться стаи хищных птиц...

В чужой далекой стране прозвище «Гайнутдин» стало широко известно. Голова летчика оценивалась в десяток миллионов «афошек». Впрочем, моджахеды сразу же поменяли тактику: они уже не со-

бирались в конные отряды, а создавали малые, мобильные группы. Гайнутдин, предки которого, как и его враги, почитали Аллаха, оказался изобретательным: к вертолету подвешивали дымовую шашку, и он «падал», будто подбитый. Легкая добыча на самом деле становилась приманкой для воинов ислама; тут же из-за холмов выскакивали «полосатые»¹, ошетилив жерла смертоносных «нурсов»...

...Я стоял в Кокайтах, со своей эртэшкой, собирався вылетать в Ташкент. К самолету подошел невзрачный на вид парень, в затрепанной летной куртке:

— Командир, как улететь в Ташкент?

— Никак. У нас спецсамолет, пассажиров не возим.

— Выручай, два дня пропадают... Жену погладить, детей посчитать...

— Из какой части, как фамилия?

— Гайнутдинов.

— Да ну? Что же ты молчишь, как рыба об лед?

В Кокайтах он сел на своей «восьмерке»² буквально перед нами, с пробитыми пулями топливными баками. Мы слышали в эфире, как вертолет запрашивает внеочередную посадку, и затем наблюдали шлейф, который тянулся за ним сзади. Как я мог отказать такому человеку? Посадил его в кабину, на место правого летчика: «Можешь рулить до дома сам». Славе не приходилось пилотировать

---

¹ «Полосатые» — вертолет «Ми-24».

² «Восьмерка» — вертолет «Ми-8».

самолет, но схватывал он все буквально на лету, вцепился в штурвал мертвой хваткой и не отпустил его до посадки в Тузеле. Самое удивительное — сажал самолет без моей помощи, вслушиваясь в под-сказки по переговорному устройству. Совсем не могучий на вид парень обладал необъяснимой выносливостью: в этот день он уже успел сделать несколько боевых вылетов. В кабине для него, казалось, переставало существовать все на свете. Он сливался с машиной, не отрывая взгляда от приборной доски, — настоящий кентавр: одна часть — тело, другая — самолет...

На стоянке, в Тузеле, Слава еще раз прибежал к нам, зашел в кабину: «Командир, это — экипажу», — сказал он, извлекая на свет пузатую бутылку «Плиски». — А это — тебе, на память. Колпачок от первого снаряда, упавшего на Афган». Металлический стаканчик с усеченным под конус доньшком и резьбой внутри оказался удобной, небьющейся посудой — я открутил пробку у бутылки и, наполнив колпачок, пустил его по кругу. Сильное рукопожатие — и мы расстались, чтобы уже никогда не встретиться...

Есть люди, которых увидишь один раз — помнишь всю жизнь. В чем их сила, неброская, не показная, спрятанная неизвестно в каких тайниках? И сейчас передо мной всплывало в памяти русское лицо, светловолосая голова, и только в уголках глаз, растянутых и заостренных, казалось, метались беспокойные ветры степей, где когда-то жили его предки... Чем манила его теперешняя, неизвестно

откуда взявшаяся, полная опасностей жизнь? Почему так притягательно это хождение по краю? Кто мне скажет, что такое бой? Может быть, та вершина, на которую поднимаешься, и каждый миг можешь сорваться, и эта высота придает сильное звучание уснувшим в обыденности струнам?

Я не знал ответа ни на один из этих вопросов, и не мог толком объяснить, почему они засели в моей голове...

Наконец-то появился комэск.

— Как экипаж, больных нет?

— Нет.

— Хорошо. Найдите Сашу Ласницкого, одессита. Пусть провезет вас по аэродромам. Через неделю проверю сам, напишу допуска.

Что, не мог сказать сразу, когда уходил? Битых полчаса я сидел за его столом. Я заспешил к одесситам, размышляя о своих ребятах, собранных за месяц до отправки из разных экипажей. Кое с кем мне приходилось летать, но в основном это были новые люди.

Юру Ходыко — второго летчика, я знал хорошо. Непьющий, с несвойственной нашему брату интеллигентностью — он всего лишь год назад окончил училище с «отличием». Его имидж — «честный парень». Перед убытием в Афган он сказал мне прямо: «Командир, если ты не будешь возить меня с левого сиденья¹, я уйду в другой экипаж, к инструктору». Мне показалось это наивным: я, тридца-

---

¹ «Возить меня с левого сиденья» — программа подготовки командиров кораблей.

титрехлетний командир корабля, мнил себя асом. «Юра, а если на второй день нас завалят?» «Тогда я не буду на этом настаивать», — ответил он, и я почувствовал к нему расположение. И так, здесь я мог рассчитывать на поддержку. Как поведут себя остальные: штурман, техник, механик, радист? Все они оставили дома семьи, детей и должны были вместе со мной вписаться в безостановочный круг войны...

В комнате Ласницкого я увидел двух парней, отчаянно хлеставших по столу картами. По пояс голый, широкоплечий гигант с грудью, покрытой черной шерстью, поднимал кулачище над столом, делал отмашку, словно саблей, и «гыхал» при этом так, что карты летели на пол. «Настоящий одессит», — отметил я про себя и протянул руку здоровяку. Он тиснул мою ладонь, не отрывая глаз от карт, и, запрокинув кирпичного цвета лицо, оглушительно засмеялся:

— Готов, командир! Гони монету! — радовался обладатель мохнатой груди. Я понял, что Ласницкий — его партнер и что именно этот сухощавый, голубоглазый, с короткими вьющимися волосами паренек будет давать мне ознакомительный полет. Саша повернулся ко мне лишь после того, как отсчитал партнеру несколько наших «красненьких».

Оказывается, Ласницкий был уже в курсе. Более того, он сообщил, что командование рассматривает мою кандидатуру на место «шефа-пилота». «А это значило для меня и моих ребят многое. Одесситы возили командарма, и нетрудно было догадаться — эти парни сделают все возможное, чтобы скорее

вести меня в строй. Для них милая Одесса — теперь уже реалии завтрашнего дня.

— Саша, та шож это такое? Его еще и возить будем? — загремел здоровяк, и его шерстяная грудь заколыхалась. — Он тут в восьмидесятом году вышивал и штопал... Все знает. Вы, конечно, командир, извините, — обратился неожиданно гигант ко мне, — но с Сашей мы на «ты».

Ласницкий улыбнулся краешком губ:

— Боря, ты, как всегда, прав, но обсуждать это не будем. Готовим самолет и в шестнадцать ноль-ноль — колеса в воздухе.

Ласницкий предложил лететь с ним. Веня Козяков, мой радист, дежурил у дверей, поджидая результата визита. Его глаза сверкнули в полутемном коридоре, усы взлетели вверх, изображая порыв чувств. Веня шустр... уж больно. Дым валит из-под пяток. На лице носит: «Все схвачу на лету и выполняю в лучшем виде!» Не много ли дыма, пыли? Обычно те, кто громко кричат «есть!» — мастера по бегу на месте... Посмотрим. Козяков любит остаканиться не по случаю или с устатку, а регулярно. В этом они с Борзенковым сошлись. Есть у Вени и своя философия: «Нельзя по земле громко каблуками, надо по ей, как по пуху...» В Ташкенте, за столом с напитками для мужчин, Козяков просвещал меня: «Командир, почему моряк любит принять, когда сходит на берег? Чтоб земля снова стала как палуба... Она ж, та-сазать, — наша люлька. А вот чего моряк никогда не сделает? Грубо говоря, не будет писать против ветра». Веня говорил быстро,

будто сыпал слова горохом, вставляя излюбленное «та-сазать» или «грубо говоря».

От Вени разило спиртом, густо перебитым луком, и я не особенно удивлялся. Кажется, меня пытались приучить к мысли, что земля — палуба, с первых дней на войне. Но я имел на этот счет собственное мнение.

— Козяков, предупреди экипаж: тому, кто попадется начальству на глаза в непотребном виде — мало не покажется.

Вместе с Ласницким топчем ногами высушенную солнцем глину по дороге на стоянку. «Райские ворота» — КПП, домик и шлагбаум — единственное место, где на территорию «полтинника»¹ может проехать машина. Штабы, казармы и жилые модули окружает канава с бруствером. Под домиком яма с земляным лазом, закрытая металлической решеткой. «Зиндант, — бросил Саша. — Для наркоты». Я знал, что Зиндант — кабульская крепость, тюрьма, где по восточным традициям пленников сажают в ямы.

Из прямоугольного зева окошка КП полка видны ворота и вся панорама аэродрома у подножия южной гряды: столица Афгана выползает на склоны глинобитными домами, похожими на термитники. Международный аэропорт возвышается пирамидальной застекленной призмой, утыканной антеннами.

На магистральной рулежке, по другую сторону

---

¹ «Полтинник» — пятидесятый отдельный смешанный авиационный полк (ОСАП).

взлетной полосы — боинг «Арианы», афганской авиакомпания. Его двигатели тонко свистят, и весь он напоминает громадного дельфина, лениво покачивающегося в волнах плывущего воздуха.

Еще сотня метров — и мы на стоянке первой эскадрильи.

Самолет с бортовым номером ноль пять оказался полусалоном¹. В небольшом кубрике рядом с пилотской кабиной — мягкий диван, столик между двумя парами кресел, картина в гипсовой рамке. На репродукции осень наших равнин полыхала золотом и багрянцем; увядающий покров лиственного леса терялся в синеве. Я уселся в кресло и уставился на картину. Она была здесь чем-то неожиданным: пыльный кусок картона притягивал к себе взор.

В грузовом отсеке громовой голос с южным акцентом кого-то отчитывал. Я приоткрыл дверь и увидел Борю. Этот заставит крутиться всех. Мне становилось понятным: экипажем, с молчаливой подачи Ласницкого, управляет его механик. По дороге на стоянку Саша невзначай, при разговоре о трудностях местного значения, обронил: «Некоторые прапорщики, хотя бы как мой Боб, двух офицеров стоят. Он не падает после ведра выпитого и вытрет слюни кому хочешь...» Представил кулачищи Боба и подумал о собственном, очень скромном наборе аргументов в пользу порядка в авиации. Здесь не Союз, устав и парторганизация — понятия вче-

---

¹ Полусалон — грузовой самолет, где часть грузовой кабины переоборудована под салон.

рашние. Врачебного контроля перед вылетами практически нет.

Я перебрался в пилотскую кабину: здесь не так жарко, форточки остекления открыты. Рулежные дорожки, выложенные металлическими плитами, уходят к полосе, на одной из них — кортеж легковых автомобилей. Скорее всего, едут к нам. Экипаж, вероятно, уже стоит под крылом, вытянувшись цепочкой. Равняйся, смиренно и все такое...

Генералы обычно жмут руку каждому, прощупывая глазами: знай, кого тебе доверяют. Одессит проскользнул в кабину неслышно, ловко переправил себя в правую чашку сиденья, на парашют.

— Готовимся, — говорит Саша, пристегивая себя к сиденью. — Радиообмен веду я. Первые взлет и посадку показываю, потом — сам.

Взлет Ласницкого произвел на меня сильное впечатление. Этот худенький паренек после отрыва самолета, не убирая закрылков, ставит машину на крыло. При этом он тянет штурвал на себя, создавая перегрузку. Когда неуклюжий транспортник крылом чертит землю — кажется, вот-вот он останется там. Мы развернулись вокруг собственного хвоста и набирали высоту рядом с полосой, наблюдая взлетавшие борта в каких-то двухстах метров. Я заметил: скорость в развороте почти соответствовала теоретической скорости срыва, то есть пределу, переступив который самую малость, получаешь «полный рот земли». В Союзе такой полет при любом исходе считался бы точкой в летной карьере пилота. Садясь в кабину, я был уверен: мне не покажут здесь ничего нового, и испытывал замеша-

тельство, поглядывая на тонкие, почти девичьи пальцы Саши.

Снижение и заход на посадку мало отличались от того, что я умел, но и здесь все ограничения для самолета, определенные инструкцией, не принимались во внимание.

Мы падали над полосой Кундуза с семи тысяч метров. Ласницкий закручивал развороты с предельными кренами, у нас были выпущены шасси и закрылки в посадочное положение. Внешне наш самолет, должно быть, напоминал морского бычка, широко расставившего плавники и свои громадные уши. Разница лишь в том, что бычка тянут на леске и бедолага упирается, используя воду, нас же притягивает земля — она держит нас в своих объятиях крепче, чем любая леска... Из стрелкового оружия духам нас не достать, но полет требует постоянного напряжения: если не выдержат узлы крепления одного из закрылков — самолет мгновенно перевернется на спину.

Взлетная полоса Кундуза появляется в левом остеклении. Бетонные плиты на возвышении, похожем на стол, проектируются почти отвесно: успе-ем ли снизиться? Саша толкает штурвал от себя, и самолет еще больше опускает нос, словно штопор, вворачиваясь в упругий воздух. Перед нами — торец полосы. Ласницкий едва успевает убрать крен: темные стыки плит, залитые смолой, начинают мелькать перед глазами. Затем — дело за глазомером и реакцией. Смотришь чуть дальше — подведешь самолет низко, смотришь под себя — выхватишь высоко. И то и другое не годится. Хорошие

летчики умеют чувствовать расстояние до земли в сантиметрах и знают выверенную опытом точку, куда нужно положить взгляд. Саша сажает самолет почти неслышно, и я знаю, что пассажиры всегда оценивают пилота именно по посадке. Возле командно-диспетчерского пункта — встречающие. Мы становимся носом в сторону взлетной полосы: двигатели натужно выдыхают воздух, остается тонкий свист вращающихся винтов.

В открытую форточку влетает суховей, высасывая накопившуюся на высоте прохладу. Саша провожает пассажиров, и через пару минут появляется снова:

— Пошли, нас приглашают в гости.

— Саша, как командарм выносит воздушную акробатику?

— Его сегодня не было. Штабные прилетели, что-то готовят здесь. Завтра утром привезем хозяина.

— Так этот взлет в Кабуле был посвящен мне?

— Нет, старик. Здесь никого этим не удивишь. Конечно, с начальством старайся плавней, ласковее... Тебе же я показал, на что способна машина. Это не мое изобретение, кто первый стал крутить эти развороты — не знаю. Главное — не перекручивай, не теряй скорости, чтобы самолет не опускал нос в момент создания крена и не завалился на крыло. Думаю, тебе этого объяснять не надо. В полетах на пределе, как в перевернутой картинке — все наоборот... — окончил Саша инструктаж и стал думать о чем-то своем.

В Кундузе тридцать пять градусов. Среди светло-голубых комбинезонов экипажа я в своем тем-

ном одеянии и с бледным лицом кажусь пришельцем. На самом деле, я здесь человек желанный: чем быстрее освоюсь, тем скорее одесский экипаж будет собирать свои чемоданы домой.

Мы идем к пристройке, прикрытой буро-зеленой маскировочной сеткой. Сетка натянута на столбах, огораживающих дворик. Внутри — небольшой бассейн с водой, при виде которого у меня заняло в груди. Я — Водолей, этим все сказано. Не смея верить в то, что нам разрешат здесь окунуться, рассматриваю дощатый столик, стулья, резиновый шланг, из которого вода стекает в бассейн.

Из задней двери домика появляется девушка, скорее всего — хозяйка торговой точки (с противоположной стороны вход в магазин), похоже, узбечка: черные волосы собраны на голове в узел, кругленькое личико сияет улыбкой. Она спешит к Ласницкому, и он обнимает ее.

— Маринэ, а меня? — гудит Боб, выставляя вперед небритый подбородок. — Кто ж так целует? Если бы нас с тобой увидели в Одессе, все бы сказали, что я твой папа.

— Ты не папа, ты моя... мама. Молочка привез?

Все смеются. Боб вытаскивает из-под стола целлофановый пакет.

— Вот твоё молочко, а это — наше... — Он передает пакет девушке, оставляя на столе ободранную армейскую фляжку.

Ребята уже сняли комбезы, разоблачаюсь и я, не дожидаясь приглашения, плюхаюсь в прохладную воду. Какое блаженство!

Припомнился армейский капитан, который ле-

тел в Союз в краткосрочный отпуск. Мы встретились на перекрестке: мы — туда, он — оттуда. Забрел к нам на огонек в Тузеле, уже тепленький — перепутал двери. Мы усадили его за стол, налили стакан. Он еще долго держался молодцом. Когда все уже попадали, капитан все решительнее трезвел, не хотел сдаваться и я. Как только утренний свет начал пробиваться в окно аэродромной гостиницы, мы подняли наши стаканы. «Давай за главдуха», — сказал капитан, но я не понял. «Ты знаешь кто главный душман в Афгане? Солнце... Наша война там — бред от перегрева. Душманская сковорода вытягивает все соки... Выпаривает все, даже мысли о смерти». Мы выпили, и он сказал напоследок: «Сковорода всех поджарит. И вас тоже, хоть вы будете ходить в голубом, чистенькими...» Да, после штабных мы тут самые чистенькие, всего лишь немые свидетели для тех, кто захлебывается потом и кровью. Наша смерть легка, она без злобы...

Ласницкий стоит на краю бассейна в плавках: «Ты что, думаешь, тебе сюда подадут?» Его тело, почти такое же бледное, как у меня, и лишь лицо и шея — темны. По-моему, Саша не в ладах с солнцем, не то, что его бронзовые ребята. Я подкручиваю свои трусы на манер плавок и выскакиваю из воды. Боб за столом открывает тушенку и маленькие баночки с колбасным фаршем. Маринэ расставляет стаканы. Ласницкий наконец-то представляет меня маленькой хозяйке:

— Марина — это будущий командир нашей пятерки Дрозд. Прошу любить так же, как и нас.

Девушка протягивает ручку, ее дивные глаза ис-

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКИПАЖ «ЧЕРНОГО ТЮЛЬПАНА». <i>Роман</i>	5
ХУЖЕ ВОЙНЫ. <i>Повесть</i>	255